

Анри Коломон

Сицилия из рук в руки

Выборки из романа
«Франсуа и Мальвази»

Анри Коломон

**Сицилия из рук в руки. Выборки
из романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Сицилия из рук в руки. Выборки из романа «Франсуа и Мальвази»
/ А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834073-4

Разменной монетой называли такие итальянские владения, переходившие в игре сильных держав меж собой. И именно поэтому ввиду такой заброшенности и оставленности на тех землях возникали такие личности, которые вполне могли бы стать королями и даже величались как короли до самых поздних недавних времен. Отсюда все возникшие страсти и чаяния по накатанной дилемме человека сильного со слабой государственностью.

ISBN 978-5-44-834073-4

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Огонь и Воды...	6
Глава XI. Сицилия. Вилла Фаворите. За круглым столом	6
Глава XII. Сицилия золотая	11
...И Медные Трубы	14
Глава XXVIII. Союзники	14
Revolution	17
* бушует людей океан, ревут пересудов волны *	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сицилия из рук в руки

Выборки из романа «Франсуа и Мальвази»

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2016

ISBN 978-5-4483-4073-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действия романа разворачиваются на фоне общеевропейской войны за Испанское Наследство в начале XVIII-го века по Рождеству Христову. Несмотря на затронутые многие места Европы и даже Магриба, основное повествование происходит в диковатом разбойничьем углу острова Сицилия, куда волей случая занесло наших героев.

Огонь и Воды...

Глава XI. Сицилия. Вилла Фаворите. За круглым столом

Близ Палермо, в лье от него по дороге идущей у северного сицилийского побережья расположилась вилла Фаворите, находящаяся в некотором удалении от того и другого в несколько скрытном месте. Туда к полуночи съехалось несколько карет. Собственно причиной к съезду и послужило собрание некоторых владетельных сеньоров и должностных лиц, выбравших для встречи это королевское владение.

Последней с дороги свернула карета вице-губернатора, так как за ней уже не было никаких других карет. На заднем же дворе виллы как раз наоборот, скопилось много таких карет и несомненно вооруженных людей. При прохождении возле них со своим личным секретарем де Ля Воро, князя де Шакка развязно поприветствовали, развязные в своем поведении люди в плащах. Не обращая на их потрясение оружием никакого внимания они поскорее прошли к ступеням лестницы освещенной огнем факелов.

Сразу за дверь в длинном полутемном коридоре их встретил и почтительно поклонился монах в черном. Под рясой у монаха явно чувствовалась кольчуга, которая, впрочем еще и скрипела. В сопровождении монаха они дошли до следующих дверей и были им пропущены после любезного раскрытия.

В маленькой зале за столом уже собрались епископ Трапанский... сидевший, подбоченясь на спинку стула, в митре лилово-пурпурного цвета, выделанной из тончайшего шерстяного полотна; чулки на ногах были того же цвета, но шелковые... и другой участник заседания широкоплечий дородный мужчина в богатом путевом костюме с чем-то недовольным выражением лица. Для тех, кто видел князя Сан-Кальтальядо впервые, могло показаться даже свирепым.

...Входя, князь де Шакка откинул назад капюшон своего плаща, открыв строгое с благородными чертами лицо тридцатилетнего человека и прежде всего аристократа, который только с ним счел учтиво поздороваться. Его черная незаметная бородка в нижней части лица еще более облагораживала и придавала толику изысканности.

Первое о чем они разговорились это еще об одном, кого следовало дожидаться.

– А его сиятельство, должно быть уже здесь. Его карету я видел стоящей у угла. – сказал епископ Трапанский.

– Так значит нужно ему сообщить о нас! – решил князь Сан-Кальтальядо.

– В данном случае выйдет, что мы как гости напрашиваемся на разговор с хозяином.

– Черт поberi, так и выходит!

– Нам в этом случае следует начать беседу без него. А вам князь /Сан-Кальтальядо/, чтобы не загубить в поездках ночь можно просто-напросто остаться здесь без всякого на то чьего-нибудь соизволения, – ревниво распаялся епископ, но чуть только послышались подходящие шаги и дверь открылась, узкое лисье лицо из подговаривающего приобрело приветливый и благодушный вид.

– А вот и маркиз!

Вошел маркиз де Спорادا, живой и энергичной походкой подошел к столу.

– Извините, что опоздал, – легко кланяясь и усаживаясь на стул проговорил он. Его голос с груботцой, но в то же время с толикой самовеличия и рассудительности. Может быть внушительный голос, умение выслушать, вести разговор далее, делать заключения и вообще решать, постепенно выдвинули этого Спорادا в руководящие роли с безусловным авторитетом, под влияние которого полностью подпал епископ, и в той или иной мере князя, постепенно упу-

стившие инициативы действий из рук, оставшись лишь соискателями выгод... пожалуй наравных. Маркиз еще ни в чем важном себя не проявил, он оставался лишь тем кем был: финансовым сюринтендантом и находился пока что в милости у губернатора.

– Итак... Сразу о самом главном. Что конкретно кому из вас стало известно об английской эскадре захватившей Маон?

При этом вопросе взоры сидящих невольно устремились на епископа Трапанского, который обещал разузнать буквально все. Тот однако же слегка сконфузился и язвительно произнес:

– Пока ничего не могу сказать, никаких новых вестей до меня не доходило. Мною был отправлен надежный человек. я ему много денег дал... м-м вот. Но его все нет!... Со следующей недели я снаряжаю фелуку в Гибралтар. Считаю, что это даже вернее будет. И если б вы написали письмо адмиралу... не помню уже: Гелуэй... было бы просто прекрасно!

Никто не удовлетворился по-настоящему ответом епископа, а маркиз Спорادا был особенно недоволен самодеятельностью, но вполне учтиво предупредил, что никаких адмиралов посвящать в эти дела не следует. Нужен... всего-навсего один большой корабль, в крайнем случае два, и не больше тысячи человек десанта.

Князь Сан-Кальтальядо внимательно прислушивался к каждому слову, которое говорил Спорادا, проявляя огромный интерес.

– Важен сам фактор: англичане высадятся в Палермо, никто сопротивляться им не станет. На этом акцентируйте внимание. Никому на всей Сицилии незачем защищать испанскую администрацию.

– И даже марсальцам де Бутера?! – восторженно – вопросительно проговорил князь Сан-Кальтальядо. Спорادا сначала смутился от сей наивности, и прежде секунду подумав, как лучше ответить, продолжил вести разговор:

– Я думаю, будет даже лучше, если де Бутера не согласится разоружать свой гарнизон. Тех же англичан мы высадим в Марсале. И Палермо очистим и тылы освободим. Вы вникнете в самую суть, ваше преосвященство? Первое, на что нужно нажать вашему посланцу, это на то, что англичан здесь ждут!... в очень небольшом количестве – это нужно показать исподволь. И второе. С тем лицом, с которым сочтется нужным вести переговоры, необходимо разговаривать с позиции покупателя. Мы платим, при чем лично ему, чистым золотом, камнями. В пиастрах это могло бы значить..., скажем, сто тысяч уже за одно то, что он подойдет к месту, где мы будем его ожидать. Двести тысяч за взятие Палермо. Будет отказываться, пообещайте ему, ну скажем... под четыреста тысяч. Его должность, если его от нее лишить, не должна сравниться и с половиной той суммы, что мы ему предоставим. А внешне все будет выглядеть, как внезапно открывшиеся перспективы для военной операции. Письмо ему справим от нашего Сицилийского дворянства. И все такое. Важно, чтобы втянулся делать все за деньги. За лишнюю сотенку-полторы, не откажется убраться. Тем более, что ему и самому станет понятно для чего он здесь. По крайней мере всегда дадим понять, что без нас и против нас он ничего сделать не сможет.

– Так не нужны они тогда вообще! Я один на моем юге соберу несколько тысяч человек. захвачу Рагузу, Сиракузы, а там и Катанию, – говорил напыщенно всех уверяя князь Сан-Кальтальядо... Катанию!, загадочный и далекий город, в котором он, де Спорادا никогда не бывал.

...Большой город на восточном побережье со старинным университетом и портом не меньше Палермского, как и сама Катания, мало в чем уступающая главному городу Сицилии и тем привлекательная, что с ней у маркиза связывалось много самых различных надежд и прожектов...

– Не будем загадывать, князь, Катанию вы можете и не захватить. А тысяча бравых ребят со стороны порта, всегда это сделают быстрее и образнее, как с Маоном, с ними не будет сладу. Ведь вот в чем главная загвоздка... Все, что нам нужно захватить это четыре

города. Палермо, Марсалу и Катанию, Мессину. И встать обязательно под чей-то флаг. Стоит только чуть завестись с каким городом, а это ничего не стоит!... С Неаполя у Мессины высадится армия, с которой мы с нашими-то сицилийцами ничего не сможем сделать. Вы согласны со мной?...

Спорить насчет воинственности баронских кампиери, известных своей разбойничьей удалью, было бы просто смешно. Представляли они собой даже не банды, а стаи, своры бандюг, способных лишь на нападения на крестьян, жжение пяток и взимание дополнительных поборов.

– А англичане это прежде всего фактор. Будут они, это значит власть имеется, а не мятеж, который можно поддержать, а можно и встать против. Далее... если до Неаполитанца дойдет известие, что в Палермо высадился английский десант... Как это звучит!!!, он никогда не пошлет войска, отвоевывать обратно, ему и не дадут. Однако настоящего военного корабля достаточно, чтобы перекрыть Мессинский пролив. Предполагаю, что в Неаполе за самих себя испугаются настолько, что отзовут Мессинский гарнизон на Апеннины.

Речь маркиза была яркой, захватывающей и завораживающей. По окончании ее ему чопорно сухо похлопали, но со скрытой радостью восприняли, все то, что сказал Спорادا. В разговор вступил князь де Шакка:

– Раз уж англичане так важны, то для переговоров с ними вам бы, маркиз, следовало отправить своего человека, а не аббатику, извиняюсь сразу, ваше преосвященство.

– Аминь!

– Я как раз подумал об этом же, обязательно так и сделаю. Еще я хочу сделать одну грандиозную вещь. Имея такие перспективы, стоит послать посла к Папе, чтобы наше независимое произведение по достоинству оценили?

– Ого, здесь пахивает королевством?!

– Итак, значит «Великое княжество Сицилийское» отменяется!

– Но Папа Римский жаден, как и все его церковники, за корону придется платить немалые денюжки. Может не нужно так сорить деньгами? – засуетился епископ, который и сам принадлежал к священнослужительской братии, но относил себя к воинствующим. У него всегда и трапанский полк под рукой имелся, и сам епарший город перешел к нему по наследству.

Его просвященство потому так заволновался по поводу эн-ной суммы немалых денег, потому что по просьбе маркиза он уже посылал Чиньони в Рим зондировать сие предложение... от имени князя Беневенто, правда все так прозрачно и завуалированно и через знакомое лицо в куриях, что ни за что невозможно догадаться, что кандидатам следует ожидать Сицилию.

Однако, вернемся к вопросу о деньгах, он входил в ряд вопросов должных быть освещенными в ходе встречи. Без сомнения в их полумятежном положении вещи яркие и символические как корона, королевство и коронование на престол были необходимы как воздух, как удача и средство выстоять.

Князь де Шакка кивнул своему личному секретарю де Ля Воро и тот вынул из нагрудного кармана конверт и вручил его содержимое маркизу Спорада, с нетерпением принявшегося читать. Предназначалось послание губернатору; от вице-короля Неаполитанского и гласило нижеследующее:

«Губернатору Сицилии, князю де Карини!

Мы уже в который раз посылаем вам письма с убедительными наказами отослать средства поступившие от сбора налогов за прошедшую осень. Теперь же мы настоятельно требуем, и более того, последний раз приказываем вам через это письмо, что: вам надлежит отправить деньги ко второй декаде марта месяца. Нам стало известно, что сумма, которая находится у вас в распоряжении составляет два с лишним миллиона пиастров золотом.

Никакие оправдания вызванные в связи с задержкой отправки денег приниматься не будут, и будут расцениваться как неподчинение короне. Его величество король Испанский Филипп V...

– Как настаивает на том, что Филипп – испанский король, – заметил Спорادا вслух, так же как вслух же вычитывал наиболее важные места из письма.

...грозил мне и вам потерей должности. Мы же вам такое обещаем, и помимо слов при-
совокупляем дело: часть Неаполитанского и Салернского гарнизона отправлены в Мессину. В том противном случае если вы опять станете всячески затягивать и отсрочивать выдачу казенных денег, к назначенному времени в Палермо будет наведен должный порядок силою!

Вице-король Неаполитанский, герцог де...».

– Это форменный объяв войны! – вспыхливо закричал князь Сан-Кальтальдо, привста-
вая на ноги. – Порази холера эту Мессину!

– /Шакка/ Кто ему мог доложить о двух миллионах.

– Тот кто знал о нашем налоге. Это Чентурино... Пока ничего не надо предпринимать, пускай... потом... А это что?

Маркиз Спорادا заметил на другой стороне желтоватого листика просительное продол-
жение.

«P. S. Прибудьте сами или пришлите с подробнейшим докладом и соответствующими бумагами финансового интенданта маркиза де Спорادا. Можете оставить в свое распоряжение до пятидесяти тысяч пиастров»...

– Что бы это значило?

– По всей видимости пронюхали кое-что и о вас, – взял слово де Ля Воро. – Насколько мне известно, что губернатор бывал вами не доволен и часто крайне раздражен. Возможно, что князь во всем виноватил вас. Очень возможно, что Чентурино признал, что часть денег была ссужена торговым конторам.

Князь де Шакка сначала удивился услышанному факту, но затем заволновался. Спросил у маркиза, что все-таки он собирается делать, чтобы выйти из положения. Епископ Трапани так же засуетился по этому же поводу, полагая, что маркиз ведет дело к тому, чтобы образовавшуюся недостачу покрыть скидкой в общую от каждого из них по своей части денег. Спорادا имел на этот счет свой план, и в подробности его изложил собравшимся, чем восхитил своих сторонников.

– Денег неаполитанскому вице не видать... Они перепадут в чужие руки, скажем, корсаров... около самого острова Устики на виду... И нам денег хватит абсолютно на все! Корону, кардинальскую шапку, военные корабли, все будет, поверьте мне. По крупному тратиться не придется, но по мелочи – не жалеите.

Епископ Трапани, считавший тот полк, что он содержит на свои средства отнюдь не мело-
чью, хотел вывести разговор в свою сторону, но маркиз только что назвал траты именно мело-
чью и в данный момент заверял князя Сан-Кальтальдо в том, что будет и у него в определенном городе стоять свой собственный полк. Затем обратился к князю де Шакка с вопросом.

– Как вы получили это письмо?

– На руки от посыльного. Князь де Карини отдыхает в поместьях и оно прямиком доста-
лось в мои руки... через секретаря, сеньора де Ля Воро.

Упомянутый согласно кивнул головой, подтвердив то, что посыльный прибыл сразу
к нему и сейчас до времени находится в надежном месте.

– Подержите его там еще пару дней. А затем пусть еще раз подъедет к губернатору,
но с предыдущим письмом.

– Письма датированы. – указал секретарь де Ля Воро.

– Ах ты черт, – досадливо ругнулся Спорادا, не зная что делать. Ему не хотелось, чтобы
письмо попало в руки губернатора. В этом случае оный, согласно тексту отправил бы вместе

с уплывающей казной и ее всецелого казначея, сюринтенданта маркиза Спората, на том же корабле. И пока его мышление велось вокруг да около мысли отвязаться под каким-либо предлогом от поездки и только приходило к мысли, что письмо должно быть вручено губернатору после отправки золота, у сеньора де Ля Воро выход был найден и со всех сторон обдуман.

– Монсеньор! Можно действовать через самого нарочного. Сейчас он знает, что губернатор за городом. Остается только продержат его в этом неведении дня два-три и потом прийти к нему вручить пакет обратно. Приказать отвести его самому губернатору лично... который будто бы только что вернулся из поместий и объяснить дело так, что как будто бы я слегка виноват, что совсем забыл о письме, не распорядился отправить, а стал дожидаться приезда князя. То есть ему следует вести себя так, будто он приехал только что. За это время казна должна уже быть отправлена, простите, перед этим. С ответным письмом от губернатора он отправится так же как ни в чем ни бывало и если проговорится подозрение падет на губернатора.

На миг взгляды маркиза Спората и де Ля Воро сошлись и последний получил одобрительную похвалу. На этом собрание было закончено. Собиравшиеся вельможи встали и распрощавшись разошлись. Первыми и почти сразу со двора виллы Фаворите выехали кавалькады епископа Трапани и князя Сан-Кальтальдо. Первый из них не спеша отъехал в сторону Монреале. К своему знакомому архиепископу Монреальскому; а владетельный князь угнал в обратную сторону переполненный пылкой энергии и желания подготовить юг пирога сицилийской приманки, и какой! Ни в какое сравнение не идущий с майонезным подливчиком одноименного порта, от которого отказаться невозможно, и съесть как окажется еще трудней.

Глава XII. Сицилия золотая

В ту ночь походная карета внутри которой в двух ее отдельных частях сидели вице-губернатор со своим личным секретарем де Ля Воро и сюринтендант финансов маркиз Спорада с Бофаро и с телохранителем Касба, подъехали к воротам Монтельто. Бофаро слез и без разговоров заставил стражников пропустить карету с сопровождающими в город. Но залезать обратно не стал, только лишь попрощался с Монсеньором с подножки и через открытую дверцу с зашторенным оконцем.

– Делай все как я тебе сказал, – говорил Спорада как можно тише, дабы князь де Шакка, сидевший на следующем ряду к ним спиной поменьше вникал в суть.

Резиденция сюринтенданта в Палермо представляла старинное и необыкновенное сооружение, особенно зрелищное на фоне синего ночного сицилийского неба. Дворец Циза представлял собой высокую квадратичную коробку в три высоких яруса-этажа, прямоугольные прорезы окон в которых совсем не оттеняли вид фасада сходного чем-то с плоской желтой стеной, нарезанной валообразными вырезами оконных ниш. Сложенный из камня цвета не выгорающего на солнце, дворец по ночам освещался желтым светом огня и представлял собой яркое зрелище, строгой коробки с приставленными по бокам суживающимися многогранниками высоких башен.

Пожалуй, говорить о цельном виде фасада было бы зря, если оказываешься перед ним на мощеной площади, а вернее говоря перед дугообразной аркой, доходящей от пола почти до середины, под самый подвешенный герб. Но сама арка была сравнительно узка и кончалась сразу, как под нее заезжали. За ней и внутри первого яруса дворец был практически пол и имел выходы наружу кроме высокой арки, две поменьше, а так же три вовсе не больших прохода по бокам.

Сразу за высокой центральной аркой поперек краем протянулась стена, подпирая не второй, а уже третий, наиболее полный ярус, имевший пять больших оконных проемов, и два маленьких возле среднего, когда как второй этаж этого не имел будучи прорезан конусообразной вершиной арки.

Двухраздельная карета заехала за стену и остановилась. Маркиз Спорада пошел на винтовую лестницу уходящую по телу башни на самый верх в квадратичную голову, выходящую на крышу Цизы, представляющую собой обжитую в итальянском духе площадку, огражденную зубчатой стенкой, и в то же время представляющую собой четвертый ярус, имеющий собственную маленькую расчлененную крышу, представленную плоскими площадками на сложной надстройке четвертого яруса, незаметного снизу. Состояла эта добротная старинная постройка из трех частей, из которых две крайние являлись ни чем иным, как ответвлениями эспланадных коридоров, заворачивающихся прямым углом и выходящих в ту же сторону, что и средняя часть, представлявшая собой внутри большую залу, подверженную солнцу, с отодвигающейся панели потолка над бассейном, и со стороны широкого входа с площадки крыши основного корпуса Цизы. С этой же площадки, окружающую всю постройку, можно было взойти наверх, по нависшим над входом в залу лестничным пролетам. А с верха, являвшегося самой что ни есть крышей по своего рода мостикам... можно было зайти на маленькие тупиковые площадки над ответвленными коридорами. Обрамлены они были уже не зубчатой стенкой, а фигурной.

В какой-то степени частями крыши можно считать и четырехгранные макушки башен, увенчанные шаром со шпилем, этим элементом арабского зодчества, перенятым на строительство норманнами. Маркиз Спорада выходил с внутрибашенной лестничной клетки. Будь сейчас жаркий день, не смотря на оконный проем, здесь бы было сумрачно и прохладно. Он любил свой дворец, везде прохладную, затененную и перемежающуюся с косым светом древ-

нюю Цизу, строгую, компактную, необычную. Любил с высоты ее бельведеров, и даже просто выйдя из залы смотреть из-за зубьев, с дикой высоты на город...

В это яркое ясное утро ему не нужно было работать, просиживая за столом лучезарные утренние часы и он с удовольствием простоял их, положив руки на гребни зубьев..., ступив одной ногой вниз пролета и облокотившись на колено рукой..., присев и прислонившись спиной вниз поглядывать, свешивая одну ногу с пуховика, на котором сидел, а другой упершись в противоположный край...

Внизу уезжали и приезжали люди, кареты. К нему подходили справляться и пришлось зайти в залу. С разных мест на одной и той же карете прибывали деньги. Счетоводы резво и долго с ними возились. Последний раз длинная карета заехала под арку, привезла неизвестно откуда несколько опечатанных денежных сундуков, хотя целый отряд охранников, размещенный в белых под черепицей домах справа и слева находился здесь, охранять казну.

Та же кавалькада охранников, что сопровождала привоз, шумно отбыла в обратную сторону, огибая металлическую парковую решетку, под высокими аккуратными кронами сосен пиний.

Приезжал де Карини, озабоченный недостатком тех денег, что позаимствовал он. Но все оказалось в порядке и князю сейчас совсем не было нужным рвать и метать, дабы найти несколько десятков тысяч. Вместо этого маркиз Спорادا пригласил его отобедать, с дороги.

В зале, продуваемой приятным ветерком лучшего времени года, губернатору были показаны деловые бумаги и документы, которые того мало интересовали. Ему было важно узнать на словах, потому что в бумагах он никогда бы не разобрался: все финансовые дела были сданы маркизу целиком и полностью. И как сюринтендант Спорادا заверил его о полном порядке, чем премного обнадежил и успокоил. Губернатор чувствовал себя как будто у него гора с плеч упала, и чтобы он не успел почувствовать и более того заподозрить в... не то что спешке, но внезапности – неладное. И чтобы этого не произошло маркиз Спорادا, чувствуя некоторую моральную ответственность за то, что они столько времени выжидали как сложится ситуация в Испании, завел разговор насчет письма выгребшему Филиппу V, в котором им было необходимо хоть как-то оправдаться. За разговором он протянул губернатору черновик послания, набросанный собственной рукой. Две мысли князю понравились и одна из них была та, что именно на то и указывала, что затяжка была вызвана внутренней обстановкой в самой Испании и ее владениях, когда сдавался и снова возвращался Мадрид, а на севере Аппенин австрийцы хозяйничали в Тоскане. И над самим Неаполем, отделенным от нее лишь Папской областью, нависла угроза вторжения. Отправлять золотой груз туда не стоило. А в Испанию было почти невозможно.

Понятно, что губернатор согласился с содержанием письма и поблагодарил за то, что ему самому не придется ломать голову над текстом, обещал переписать дословно, ничего не меняя.

После долгого обеда и небольшого отдыха князь де Карини и маркиз Спорادا отправились в порт провожать снаряженный в плаванье большой корабль при двух пушках и отрядом испанцев из ближайшей портовой крепости. Во второй половине дня корабль отплыл, но еще долго белели его паруса в голубом заливе Золотая Раковина. И только ночью он подошел к Устике и встал в закрытой рыбацкой бухте Пескатори...

Слышалось как в селении завывали собаки, появились огни, но вахтенные никого оттуда не ждали. Их небольшая кучка столпилась у внешнего борта, высматривая небольшое судно должное скоро подойти. Среди них, волнуясь, расхаживал капитан, поглядывая и прислушиваясь к словам итальянцев. Так продолжалось довольно долго. Наконец со стороны юга к борту тихо подошел «Ариман». Полетели зацепные крючья и борты сошлись на абордаж. Моментом после с одного борта на другой полезли люди, среди которых часто замечались пестрые африканские пираты. Вооруженная толпа повалила дальше, ведомая двумя предводителями.

Стоявшим, прижавшись к борту итальянцам капитан крикнул: «Стоять спокойно!». Сразу же к ним из общей массы отделились и приблизились несколько человек, окружая и оттесняя. Остальная толпа с преобладанием смуглолицых корсар, дико понеслась по палубе, убивая каждого встречного на своем пути. Полезли вверх, вылавливая запрятавшихся на мачтах и убивать. Уже раздавались огнестрельные выстрелы, уже устремились корсары в трюмы, каюты, кубрики, захватывая спящих испанцев врасплох и только убивая. Против кривых сабель, пик и длинных ятаганов не возможно было устоять, лишь нечастые выстрелы там, где сопротивление еще оказывалось, но повсюду развернулась резня, самая гнусная и ужасная. Кровожадные берберы рыскали всюду ища и находя запрятавшихся, изрубая в куски. Тыканьем острых клинков проверяя тела убитых.

Сицилийцы во всем этом аде собрались возле мощного и коренастого человека, держащего в руке окровавленную секиру и помахивая. Барон дю Валло ожидал когда кончится эта кровавая оргия, с тем, чтобы выпроводить хоть часть из них отсюда. Корсары недобро поглядывали в сторону, где находились итальянцы барона дю Валло, но покончив с кровавым делом по первому же окрику стали выходить.

Из потайной хранилищной комнатки потащили тяжеленные, набитые металлом сундуки. На палубе им помогали, сопровождая под охраной. Корсары видя что тащат прекратили перебираться на Ариман, загудели и бездумно подались навстречу. Зычный крик барона дю Валло вместе с последовавшим выстрелом образумил африканцев. Пошедшие на них ряды итальянцев, которых было больше, заставили убраться на «Ариман», а там загнали в причитающиеся места под запор.

Сундуки по четверо, а то и гурьбой волокли по палубе и через борт к принимающим на следующем судне. В трюме остались лежать тела убитых корсар. Со стороны селения доносились частые ружейные выстрелы и даже пальба, при которой немудрено останутся лежать тела и там. Пожалуй мало стреляли здесь, барон дю Валло распорядился стрелять. Под грохот он присмотрел у борта орудийный ствол гаубичного орудия большого калибра. Указал жестом прихватить.

Сзади к барону приблизился здоровяк бородач, волоча в каждой руке по молодому человеку, каждый из которых плача и слезно рыдая, держась за ногу, молил о оставить им жизнь. Появление двух молодых итальянцев навело дю Валло на мрачные мысли, заставившие поморщиться.

Юношей поставили к борту спиной отвечать на приказ барона, назвать имена.

– Джулио Кастетто!

– ...И Сильвио Коминетто!

– А ну, тихо! – крикнул дю Валло, прислушиваясь к звукам с острова...

Несомненно прозвучал пушечный выстрел, что может быть значило, защитники отбили башню Святой Марии, а это уже недалеко от того места, где пристала корсарская фелука...

– А этих...! – повернувшись к борту, проговорил барон.

А никого там уже не было. Несколько человек вместе с ним бросились к борту, выглядывая из-за него вниз и не замечая в темной воде никого и ничего, принялись отчаянно стрелять.

«Видит Бог, их убил не я».

...И Медные Трубы

Глава XXVIII. Союзники

Барон дю Валло наблюдал... стоя на башенке кругового обзора, с высоты горы-острова, как затонул бриг и французы освободили причал, подгоняемые косыми выстрелами.

Причиной его ошибки послужило то обстоятельство что он прибыл сюда дожидаться «Ариман». внешне схожий как и все суда, для него, один с другим. Даже когда ему указали на разницу, барон был весь в азарте успеха, уже и лодка была отправлена. Артиллеристы на батареях поторопились показать на что они способны... И вот возвращается лоцман, оканчивается тот корабль под неизвестным, невиданным флагом – какой-то испанский или французский! Чего еще не хватало!

Дабы хоть как-то исправиться перед англичанами, которые оказывается занимались своим делом, ничего не имея против них, и повелся прицельный огонь. На вставшем в дрейф линкоре могли бы решить что это отсюда утопили бриг. Сейчас к выжидавшему кораблю англичан отправилась та же лодка с лоцманом. Она медленно обогнула скалистое тело, устремляясь на ражен без каких-либо успокаивающих внимание знаков, в непоколебимом расчете на интерес. Интерес же с этой стороны к крейсировавшим перед заливом в выжидании военным кораблям сделался большой, и еще больший после того как Монсеньору стало известно кто оказался в непосредственной близости! Но пока суд, да дело, в которое барон не был посвящен полностью, что и привело к произошедшему конфузу, каковой однако легко можно было исправить на земле, и даже лучше так.

Уже к концу ночи после того же дня в небольшой уютенькой комнатке, вырубленной в монолите каменной породы, внутри, под башенкой, за накрытым картой столом собрались лорд Уилтон, граф Стэнхоуп и Дчжемпер Уилс, капитан линкора «Арчибалд», и с другой стороны маркиз Спорادا, сеньор Бофаро, Руччини, конечно же барон дю Валло, барон де Партанна и... Дуримаро, только что быстро подвезённый к месту дела.

На карте цифрами были обозначены численность вооруженной силы, собранной в тех или иных местах. Разговор велся на испанском и против испанцев, обозначенных двумя весомыми числами, обведенными жирным овалом. К ним бы уже можно было добавить и небольшую третью равноудаленную от обоих. Но на том месте стояло другое, куда большее число, ныне перекочевавшее к дороге. По поводу того места как раз и пошел разговор в данный момент. Виновник сей завязки Дуримаро потупясь стоял у стены в углу, что называется тише воды, ниже травы. Он уже лазил у Монсеньора в ногах и старался держаться теневых сторон, дабы не раздражать собою взгляд, того не понимая что разговор складывался в его пользу и маркиз Спорادا начинает благоденствовать по поводу удачно обернувшегося позора.

– Дуримаро! Где ты, выйди сюда. — сказал он оглядываясь по сторонам.

Тот вышел.

– Садитесь! – указал Спорادا на задвинутый под стол стул.

– Премного благодарю за оказанную честь, но сидеть перед вами я не достоин. – с завыванием выговаривая несвойственные ему высокопарные слова, и голосом, и эмоционально фальшиво выступил Дуримаро под внутренние усмешки присутствующих на то, как производилось подобное велееречие, как-то напуганно-фальшиво. Но Монсеньор продолжал смотреть не смеясь во взгляде и главарь не выдержал, сел наперекор своим словам. Чуть прошел нервный настрой, деревянная голова Дуримаро издала звуки на которые обратил внимание даже тот, кто вслух его представлял, замолкнув. Воцарилась ироничная пауза, за время которой, вытянувшаяся лошадиная рожа Дуримаро тупо взирала по сторонам. Горящее пламя под ним снова

дало о себе знать, когда на миг всеобщее внимание отстало от него с новой речью монсеньора Спорада, но тут же обратилось обратно на него:

– Скажите, сеньор Дуримаро, каковы ваши потери при обороне замка?

Главарь банды контрабандистов издал невнятный маразматический звук:

– ...Никаких. Только замок вот потеряли...

Получилось как: вот самую малость только... в подобострастно-оправдывательной манере, отдуваясь за всех. Вот ещё всю свою аммуницию и склады – домысливали про себя посвящённые.

Маркиз Спорада посерьезнел, переведя дух. Вначале он хотел повисить и своё реноме представлением начальника ещё одной боевой силы, но затем видя истину всей передавшейся фальши о том даже, что это могла быть сила боевой, раз их даже трогать не стали, но просто очевидно было выгнали взашей, то и резко изменил тон на настоящее отношение к тому:

– Ладно, убирайся отсюда!

Дуримаро как сидел, так и встал на свои длинные ноги, и загибая ими заковылял к выходу, не говоря ни слова, с одним лишь целеустремлением поскорее выбраться. Понятно становилось что такие здесь вояки и этим неожиданно он всё-таки испортил прежнее представление, благоприятно было сложившееся на фоне непотопляемого каменного линкора, в надёжных стенах которого находились и вдобавок ко многим открытым и разрисованным вещам.

Посмеиваясь лорд Уилтон с большими трудностями проговорил по-испански.

– Ну, этот рыцарь еще не скоро сядет в седло.

– Не обращайтесь внимание, это мафия. / видя что слово вызвало недоумение, пояснил... / это ополчение, народное – разбойники. Так..., только на коммуникации и годно.

– Так вот, – продолжал лорд Уилтон, мысль давно прерванную, – Я все же хотел чтобы мы договорились действовать вот как: сначала мы высаживаемся берем Шандади. А уж после этой разминочки десантируем Палермо.

– Ваша мысль милорд великолепна. Мы сразу убиваем трех зайцев: быстро берем крепость, под вашим прикрытием я собираю свои семнадцать тысяч и мы внесем в расчеты испанцев сработавшую мину.

– С вами маркиз все становится просто и ясно; и я не могу удержаться чтобы закрепить свое согласие горячим жестом. Итак, по рукам!

Монсеньор встал и через стол с наклоном протянул для рукопожатия руку, сильно и долго пожимая руку милорда.

– Я надеюсь в вашем лице Великая Британия найдет надежного друга и союзника ее интересов... /говорил типичный англичанин Лорд Уилтон /.

Стороны обменялись рукопожатием и только после того как последний с последним пожали друг другу руки стали усаживаться за стол, на который уже ставили подносы с приборами, пышущими ароматом итальянской кухни. Как хозяин маленького торжества, должного закрепить великие дела, маркиз Спорада раскупорил ножничками бутылку от плетенки и пробки. Разлив каждому по стакану, поднял бокал и произнес краткий тост:

– За победу!

Через час после шумного и говорливого застолья маркиз Спорада поднялся на открытую ночную прохладу, тихую и звездную, наполненную лишь звуком отдаленного приboя, мглою наполнявшую башню. Немного погодя, когда глаза его после яркого света комнатки привыкли к темноте, она поглубела и особенно в створах для обозрения.

Светила слегка ущербная луна, оставляя после себя призрачный яркий шлейф, дорогой пролегли по черным мельтешившим волнам. Он увидел длинный темный контур английского линкора, пропускающего тонкие прожилки блесков с подсветной стороны. Поблизости стояли на якоре еще два корабля: фрегат «Запад» и пригнанный «Ариман». Подумать только,

три корабля! Целая эскадра как по мановению волшебной палочки собралась у него в малой безвестной бухточке!

Взавиди к нему подошел лорд Уилтон и посмотрев на линкор спросил:

– Начинать?

– Пускай спят еще. Торопиться совершенно некуда, никто никуда от нас не денется, а французы если и сбегут, я вам их потом хоть из под земли достать смогу, все равно далеко не уйдут.

– Вы думаете это так быстро высадить восемьсот человек? Ведь подводить корабли к причалу не представляется возможным. Вода заволнуется, мачты брига поднимет, днище как скорлупу пробьет.

– Дай бог ему сохраниться до нашей победы в первую очередь я позабочусь чтобы вы его успели поднять. Но готовенький бриг это будут только мои извинения. Надеюсь благодаренье мое получится королевским /нашел возможность намекнуть/. Итак, значит сегодня уже в десять вы должны будете уже двинуться?

– За нашей стороной дело не станет. Но сразу вынужден предупредить что ресурсы наши очень ограничены, так как отправлялись мы в крайней спешке и должным образом подготовиться не имели возможности, понимаете?... Я не уверен точно в ваших словах о том что вы обеспечите нас всем необходимым. Может быть вы имеете ввиду только провиант, как думаете по старинке, но заверяю вас что современная регулярная армия требует прорву затрат... я повторяю прорву. То расстояние, которое предстоит преодолеть в пути до замка, вместе с затратами на высадку, все вместе обойдется в несколько тысяч золотом... Если вы мне не верите я могу дать подробное объяснение: во-первых это неизбежные потери при транспортировке... Но это пока за мой счет, пока не придется восполнять невосполнимое. И другая трата заключается в людях. Понимаете ли они другие... Одного приказания будет не достаточно... Нет! Они будут выполнять все приказания, но механизм не будет действовать как надо. Поэтому нужна денежная подпитка, если хочешь получить от них результат. Лучше деньги, чем жратва и выпивка. Такие англичане мы люди, лучше вы нам потом за эти деньги с выгодой продайте то же самое, но нашему брату лучше видеть деньги в руках. И тогда он будет доволен и будет все выполнено. Лорд Уилтон проницательно взглянул в глаза маркиза Спорада, стараясь эмоционально прощупать финансовую состоятельность последнего, но встретил невозмутимую уверенность улыбкой и заверением не беспокоиться ни о чем... И тогда продолжал в том же направлении осторожно, даже не подозревая как сильно маркиз на нем сэкономил, что из той экономии, неожиданно отвалившейся ему в высших сферах, в которых он начал играть, можно еще долго будет пользоваться неожиданным подарком сходности интересов.

– ...Это предварительные только затраты. Основные траты начнутся когда придется оплачивать само ведение войны, которая в наши времена потому и дорогостоящая, что ведется на увеличении средств. Иначе говоря нужно будет ту самую прорву того же самого пороха своевременно. У вас есть его запасы?...

– Уверяю вас мы не будем ни в чем испытывать затруднений... – говорил маркиз и думал о том что его делегация с Маоном ни в какие личные отношения не вступала, разве что краем уха что-то дошло из Гибралтара, что тоже сыграло на руку, лорд говорил о том, что придется платить за каждое движение... Он был готов за все платить!

Revolution

*** бушует людей океан, ревут пересудов волны ***

В английском парламенте после известий с северной войны произошла очередная смена правящей партии. Россия побеждала Швецию. На пирушках лилось: «за учителей!», то есть за тех же шведов, про которых поговоркой добавлялось: «как под Полтавой». Польский король вернул себе престол, новый русский флот одерживал первые победы над сильнейшим по тем временам шведским.

И так как тори являлись противниками усиления Российской империи в Балтийском море и сторонниками сближения с Францией, то сменив вигов, резко сменили внешнюю политику, впрочем не настолько чтобы встать на сторону последней, против которой они продолжали пассивно воевать. Англия официально не вышла из Большого Альянса. Так как преследовала с его победой свои цели, но запретила герцогу Мальборо, главе вигов, допускать какие-либо военные действия с противником, и в то же время не собиралась выводить с театра войны свои войска.

В 1711 году умер Леопольд I Габсбург, император Священной Римской империи. Трон занял его сын Эрцгерцог Карл, под именем Карла IV воевавший за Испанию, и принадлежавшие короне американские и европейские владения, что грозило повторением времен Карла V и способствовало отходу от коалиции княжеств и монархий в составе самой империи.

Двойственная политика тори, фактически выключившая Англию из коалиции, вносила нерешительность в действия союзников, заставляя Евгения Савойского втягиваться в позиционную войну за крепости и коммуникации, что оказалось большой ошибкой. Виллар прибег к иной решительной тактике и обманным маневром разбил австро-голландские войска в Денен в июле упомянутого года.

Все это позволило французскому королю, прежде добивавшегося мира даже ценой отказа от Испании, в новой, совершенно изменившейся в его пользу обстановке на равных вести переговоры в Гертруденберге и Утрехте, важные для судеб Европы заканчивающейся войны и влияющие на расстановку сил главным образом в самих испанских владениях бывших, и имеющих по сию пору.

* * *

Однако подходила к концу уборка винограда, а из всех вестей, ходивших без особого внимания на Сицилии, так ни одна ничего не сообщала. Впрочем изнуренную грабительскими налогами Сицилийскую провинцию, находящуюся на периферии общеевропейской войны, события той мало интересовали, так как до сей поры непосредственно не касались ее самой. Единственное что народ ждал от нее, это скорейшего ее завершения, являвшегося причиной возрастания налогов, а вместе с ними тяжелейшего гнета, являвшегося следствием этого и необходимым этому, что было в духе властвования всяким испанским властям. На ведение войны требовались средства, значит нужно было как можно больше выжать денег в виде больших налогов и дополнительных поборов.

Войне казалось не было ни конца, ни края. И в самом деле за ту дюжину лет что она велась, с ней могли свыкнуться, как свыкаются с новой монетой или правителем, новым веком и считать самой собой разумеющимся. И как было не привыкнуть, когда причины побудившие войну заварились в прошлом веке.

Неаполитанское королевство, или вице-королевство, коль уж правитель был давно не король, было занято своими заботами о хлебе насущном в пору сбора винограда, предоставлявшегося им. По-прежнему в поте лица трудился крестьянин – основной производитель и кормилец страны, ему подсоблял редкий работник или подмастерье, и кто как не трудовой люд являлся выразителем чувствования ухудшающейся жизни, и самим чувством того расположения, кое нисколько не улучшилось. А наоборот с ухудшением вызывало в народе резкое недовольство.

Страна, работая и видя сколько из сделанного предстоит лишиться, отдавая труд в виде налогов за море, в своем развитии топталась на месте, что значит потихоньку деградировала в этом отношении, по сравнению с другими государствами, кои оставляли свой продукт при себе, более менее идя вперед на возрастающих с ним потребностях, и потенциях с ними. Подвластная, она была сравнима с тем хилым ребенком, который не щадя себя урабатывается на хозяина, сам при этом отстает в своем развитии от сверстников.

И все-таки Неаполитанское вице-королевство похожее на сапог с окончанием Аппенинского полуострова, пинающий краугольный камень – Сицилию, было по-своему романтично в своем средневековом укладе, в котором становилась ни чем иным как присущей и естественной надобностью, даже нищетой. Страна консервирующая феодализм, как Европа начала его своевременно подмывать, находясь за сильнейшем католически-феодалным барьером Папской области, оставалась на периферии, все явственней становясь задворками.

Но вместе с тем одинокий в море юг Италии никогда не будучи полнокровно развитым, жил обычными старинными отношениями, не бывшими отжившими и ввиду естественности не были так же отживавшими и подгнивавшими, отдавая опухолью на челе, как во многих других странах.

Бедность, или даже неразвитость, необъяснимо заглаживались в романтические краски ландшафтом природы, былой римской памятью, архитектурой и культурой – в общем всем тем что составляет облик страны, сдобренной самыми разнообразными нравами господскими, бандитскими, антииспанскими, нищенствующими. Последнее особенно преобладало с городской беднотой – лаццарони, оставшимися как будто со времен империи Рима, как и тогда занимавшиеся бродяжничеством, попрошайничеством, различными стяжательствами на жизнь, хотя уже и не брезговали подвернувшейся какой работенкой. Все вместе это и создало тот вид человека, с духом и плотью итальянской, что назывался и представлял из себя лаццарони – городской бедняк, а то и нищий, заполнявший окраинные кварталы и как-то не весть на что живший.

Продолжало беднеть и разоряться мелкое, даже среднее дворянство – вовсе привилегированная прослойка населения в основном допуском на службу и отсутствием налогов с владимой земли – составлявшими основными поддерживающими источниками дохода. У той же высшей части знати, у которой эти источники полношно били, как казалось из рога изобилия, была более чем богата, как всякая высшая аристократия небогатой страны, мнение о кото-

рой складывается преувеличенным, питаемой контрастностью и так же большой значимостью денег, там где их мало.

Урожай нынешнего года выдался удачными, нисколько заметно не пострадав от засухи и прочей различной порчи, но существенных сдвигов к улучшению хозяйственного положения не произошло, как это должно быть после одного двух или нескольких урожайных лет, когда излишки останутся на существование, а само это на общее состояние мало повлияет.

Конечно страну наводнит кое-какая монета за вывезенное вино, прибавится продажного, затребующего больше рабочих рук, понизятся до времени цены и можно ожидать подъем, но грянут налоги и снятая шапка уйдет владычице, снова обескровив, оставив заниматься прямым проеданием излишнего лишнего, только через него представляя удовлетворять потребности в большем.

Излишнее, посчитанное в какой-то части урожая крестьянина увозилось в виде денег с проданного, что было тоже самое, ими испанский король расплачивался с солдатами и за различные издержки, связанные с ведением войны, иначе говоря платил теми же самыми налогами, которые пойдя с обложенной части урожая в виде денег, потом снова превращались в то же самое, но уже для получателя денег за службу. Так циркулировала система государственного управления, власть над одними с силой другого с частью пользы для подвластной силы и общим для главного, много большего, чем нежелая один король. Но королю, как никому другому из правящего класса менее всего нужны были сами деньги, но ощущение полной власти и сама власть, используемая за огромные деньги. Чем сильнее нужна была власть, тем большие деньги становились нужны, и чем виртуозней власть добывала деньги, с тем чтобы продолжать как можно безразборнее добывать их у подданных, тем лучше она ими принималась и положение ее было надежно. Сначала и новый король из Франции принимался, но затем по мере того как он завел войны и стал широко брать на них у своих подданных, то так же опостылел. Хотя, конечно, поначалу поборы на войну успокаивающе действовали на обложенных более высоким налогом, так как война сильно воздействовала в те времена на неприятельские умы налогоплательщиков, терпеливо ожидавших окончания, затем подуставших и возроптавших. Со временем когда стало приходить прозрение и стало совсем невмозможу прикрывать этим чувство собственного бессилия, антииспанские настроения росли как на удобренной почве. Все большее количество людей принимало сторону монсеньора Спорада, либо же становились яркими его сторонниками, но большинство не более чем лояльно относилось к нему, как к возможно новому правителю, так как в народе его недолюбливали по тем значимым для народа приметам или причинам, которые определяют мнение о нем. Жесткого, властного властолюбивого Монсеньора побаивались любить и даже боялись, поэтому все те кто так, или иначе занимал антиправительственную сторону оставались оставаться спокойными противниками существующей власти, пополнив собой все увеличивающуюся неофициальную партию уличного болтуна.

Подобное положение вещей в былые времена, там где кровь у людей была горяча, при наличии общего острого недовольства легко выливалась в восстания..., хотя люди всегда дело свое знали и не смотря ни на какие обстоятельства во время сбора урожая, и работ с ним связанных, непременно занималась им.

Несомненно накаленность обстановки, пока видимой спокойно, необходимо было всячески исправлять, притуплять только снижением гнета. Но в нынешние же времена ничего такого и тому подобного сделать было не в силах, не снизить же налоги, которые /пришел от короля указ/ должны быть еще слегка увеличены. И поэтому из мер всяческого исправле-

ния у губернатора князя де Карини оставались в руках только лишь чисто профилактические меры: как распусть слухи что налоги по-видимому опять на чуть-чуть повысятся и взимать будут поэтапно – сумбур, который хоть как-то подготовит настроенность населения, пока оно занято делами не терпящими задержек.

Проходило время особенно ответственное для различного рода скупщиков, перекупщиков, коммивояжеров и всех тех, кто с этим связан в нарождавшейся буржуазии, а так же крестьян, стремящихся как можно выгодней распорядиться собранным.

И вот в этот самый момент, когда деловая активность стала спадать и перед самым объявлением налогов на Сицилию, все еще занятую выжиманием виноградного сока, разливкой молодого бродящего вина, а особенно на Палермо, где люд занимался с вином больше чем где-бы то ни было, налетело словно северный ураганный ветер тревожное непонятное слово: «Утрехт», заставшее врасплох ледяным дыханием пришедшегося сзади со спины холодным нордическим ветром на взмыленные затылки и умы, занятые последними горячими размышлениями, и посему разомлевшими от политики. Обстоятельству внезапности способствовало так же то, что налетело сообщение с самого утра с криками бегавших разносчиков вестей, а потому как в городах встают поздно, то известие заставало так же людей и спросонья в безмятежный дух врываясь ошеломляющими по своим последствиям не ясным, сопровождающим слова: «тайные переговоры» и вопрос кому достанемся мы?

Вопрос можно согласиться интересный для любого жителя страны, в которой поставился такой вопрос, но еще что заставило горожан с самого утра всем высыпать на улицы были вовсе прозрачные крики или даже неясные отголоски о налогах. Ведь если власть перейдет другому государству, значит налоги будут собираться уже им и будет собираться по новому, а не испански, кое считалось самым тяжелым и раззорным. Казалось бы что могло заинтересовать горожан в том как будут собираться налоги у крестьян? Но все взаимосвязано в этом мире. Труд горожан так же и соответствующе общему духу облагался налогами, и еще этот труд приходился на ту часть виртуозной машины властвования, которая теперь брала налог не натурой, а деньгами, что бы в конечном счете отдав их служителям государства с ними передать право на оставленную натуру в руках подданного, которая не случайно попадает ему в руки в больших количествах. Подданный производит над ней самые различные виды работ и имеет доход, с которого так же взимается налог. Подданный этот в основном горожанин, так же заинтересован в не меньшей степени снижением налогов, хотя основная масса людей имевшая к этому кроме интереса лишь косвенное отношение, вышла тоже ради интереса.

На улице находилось почти все население города. Вызвано это обстоятельство было сподобом, каким разнеслась весть с единовременностью. Разносчики вестей от мала до велика бегали по улицам, будоражили собравшиеся толпы новыми самыми непредсказуемыми выкриками, а когда и более подробными разговорами, начинавшихся обычно с вопросов о том откуда идут сведения?

А сведения шли как будто из надежных источников, о чем говорило и то, что сообщали будто сам Монти написал воззвание и оно в виде листков должно было скоро быть разнесено желающим. Само это и то, что там могло быть написанное надежней простых разговоров увлекло толпы, группы, одиноко ходящих на дальнейшее продолжение пересудов, а ожидание слова Монти надежно спаяло сборища оставаться на улицах. При чем это были такие сборища, что свое место в них занимали и вышедшие женщины с малыми детьми, а это уже значило

общество, стронутое общим порывом, в котором как ни в каком другом его состоянии интереснее всего.

Мало-помалу народ не собирающийся расходиться до последнего, пока не будут узнаны все без исключения новости и не будет зачитано воззвание, стал сходиться в поисках одного и другого на главные улицы и площади, создавая на них толчею как перед карнавальным шествием. Немногочисленная полиция с самого начала упустившая управление над людьми, теперь глядя на них растворилась. Полиция была обыкновенной служивой местной братией и чувствуя себя уверенно в обществе, где было много женщин, так же интересовалась и слушала то, о чем говорили, что непосредственно и больше всех касалось их.

Размышления, доводы, новости, откровенные сплетни захватывающие слух и внимание носились по городу из конца конец, разбиваясь словно волны прилива о стены и возвращаясь назад бурунами обросшими стеной и непохожими на то чем были, продолжали бороздить толпы. Вдруг листовки возвания, словно бы разнесенные невидимой рукой ветра поплыли по людям:

Воззвание:

Сеньоры! В этот ответственный и важный день призываю вас не уходить раньше времени от ответа, который обязаны нам дать испанские власти: что случилось на переговорах в Утрехте, и имеют ли право испанцы на налог, которым они в самое ближайшее время собираются нас обложить? Имеют ли они на него право?

Сведения доходящие до меня дают мне с уверенностью сказать, что налоги должны у нас в самом скором времени измениться к меньшему и лучшему, нужно только их дождаться, что скрывается за тем что от нас скрывают истинное положение вещей и именно скрывают, не могу не чувствовать это!

Мое мнение Неаполь и Сицилия отходят от испанской короны, близиться конец многовекового ига, и не спешите считать что на смену ему идет другое, кажется нет, нет. Нет! Мы остаемся при своем итальянском правителе! Встретим его без недоразумений, которые могут с нами и с ним наделать уходящие испанцы! Никаких им налогов!

Сенатор Монти.

Как известно, итальянец брат весьма экспансивный и настроение в нем меняется неуловимо резко. Вот уже от всеобщей народной ненависти к испанцам он перешел к злорадству и насмешкам, а все новые и новые листки с возванием вливающиеся в толпы заметно усиливали подобные проявления, возвращающиеся так или иначе к обратному. Антииспанские настроения в некоторых местах с определенной публикой накалились до предела, где пользуясь толкучкой и массовостью совершались самые различные антиправительственные акты, начиная от битья окон в домах наиболее ненавистных чиновников и служащих, вплоть до стычек с идущими из города в Портовый замок испанскими мундирами, все больше выражающимися бросанием чем-нибудь исподтишка. Очень быстро лаццарони почувствовали вольницу и обстановка с этим зашла на опасную крайность.

Сначала была остановлена карета управляющего финансами – должность наиболее ненавистная простому люду. И его запоздалое возвращение было отмечено толпой остановлением.

На первый раз с вмешательством полицейских инцидент обошелся простым напором людей на карету, желавшим этим выказать свое отношение. Но затем управляющему финансов опять и еще больше не повезло, он заехал на свое горе в толпу наиболее бесноватых лиц. Из окна кареты с завистью было видно как от собравшихся в этом месте лаццарони, с испугом отходят по краю улицы две женщины.

Карета была остановлена и уже не толпа, а банда народных низов, вмиг осознавшая себя за силу, почувствовала себя таковой, когда управляющего финансами грубо выволокли из глубины кабины и поставили на колени перед высоким обозначившимся главарем Росперо, по видимому и прежде предводительствовавшим среди сей полунищенствующей братии. Всегда готовой вынуть нож. Росперо стоял перед униженным высочайшим сановником спокойно и естественно, как словно перед собственным вилланом, смертельно провинившимся и находящимся в полной его зависимости. Последнее из чего, и было на самом деле.

Пока главарь стоял, упиваясь унижениями управляющего финансов, сподручные Росперо, пользуясь положением чиновника, пользовались и временем сзади, нещадно пиная его заставляя то и дело вскрикивать от боли. И довольно похахатывая с сыпанием ужасных проклятий на голову несчастного.

И подумать о таком еще два-три часа назад было не возможно, даже представить подобное, что перед представителем низов так низко падет представитель власти было бы не в силах, но так стало.

– И что мы будем с тобой делать? – спросил у молящего предводитель народной бедноты, после чего того мгновенно перестали бить, но продолжали удерживать за руки, плечи и голову словно бы он мог вырваться и убежать.

Не на шутку перепуганный управляющий финансов не сразу смог ответить и то невнятно сквозь дрожь во рту что-то пробормотав.

– Что? – прищурившись переспросил Росперо.

– Пощадите... я ни в чем не виноват перед вами.

– Ты виноват перед всем народом! Ты служишь кровопийцем! – возвестил главарь громко, чтобы их разговор был слышен и понятен стоявшим подальше.

Из собравшейся толпы стали выкрикивать фразы угроз и проклятий.

– И ты будешь упираться, что не кровопиец народный?! – указал Росперо рукой.

– Я не вымогал, не лихоимствовал, никогда не брал. Брал только то, что можно по закону. Отпустите меня не потешайтесь, я старый человек.

– Ты живешь и служишь законам грабителей, ты такой же грабитель, как и остальные. Скажи чем бы ты жил, чем бы занимался не будь налогов?... Теперь настала пора отвечать за грабеж! – грозно проговорил Росперо, вытащив из-за пояса острый нож.

– Пощадите я старый человек! не делайте этого прошу вас.

– А как ты тогда будешь исправлять свои грехи? Впрочем, есть тут одно дельце, по которому ты можешь частично с нами отквитаться. Выпишешь расписку на десять тысяч дукатов?

– Выпишу! Но только в казне всего шесть.

Управляющий финансами до конца оставаясь приверженцем своей службы врал, в казне насчитывалось одиннадцать тысяч, и он с испугом поглядел на требователя, как бы он что об этом не знал и не случайно ли он назвал сумму несколько ниже?

– Хорошо, пусть шесть, но если я когда-нибудь узнаю что ты лгал, отрежу голову как краюху хлеба этим же ножом, – приставил Росперо нож к горлу чиновника, вызвав у него желание признаться, – Лучше признайся сразу заранее прощаю.

Но чиновник во всем проявлял нерешительность, так же как проявил ее и здесь. Расписку он написал после того как распотрошили его портфель с бумагами и необходимым.

Взяв исписанный листок и внимательно прочитав, либо же сделав вид по вполне возможному неумению для этих кругов жизни, Росперо махнул им, проговорив в отношении его.

– Если ты нафинтил, шкуру спущу.

И управляющего финансами повели куда-то, куда только ведущим его было известно. Скорее всего в одну из тех дыр в лачужных бедняцких кварталах, где от обыска запросто можно было утаить хоть коня, обыщи не найдёшь.

У них был заложник! Могли быть и деньги...

Ближе к обеду толпы начали редеть за счет того что женщины стали уводить своих детей, а за ними стали уходить наиболее проголодавшиеся, чаще уводимые ими же, с тем чтобы поевши опять вернуться назад. Поток этот заметно увеличивался со слабенькой струйкой возвращавшихся, с интересом и со смехом. Но основной же массе уходивших надоело подобное времяпрепровождение и они уходили с улиц чтобы не возвращаться, считая что после нагрянут испанцы и прежние места, спокойные утром, станут опасными.

По мере того как горожан становилось все меньше, возрастали и укрупнялись опасные толпы людей, скапливающиеся у церквей, бивших негромко в набат, чем еще больше нагоняя гнетущую обстановку народного недовольства правительством.

Люд же, что усматривал своего будущего повелителя в монсеньоре Спорادا, собирался на площади пред его резиденцией – дворцом Циза, восторженно как в прежние времена, когда народ любил своих правителей, кричал многогласно:

– Да здравствует монсеньор Спорادا!

– Да здравствует наш король Сицилийский Фредерик IV!

У архиепископского дворца тоже собрались небольшие толпы людей, и тоже выкрикивали архиепископу Палермскому кардиналу Родриго лестные здравницы. Народ города

Палермо любил своего архиепископа может за то, что он находился в оппозиции к правящей власти и занимал сторону полностью мятежного «сюринтенданта без финансов», так в шутку его называли.

В отличие от первых двух сборищ у губернаторского дворца князя де Карини и даже у самого Портового замка собирались наиболее смелые из смельчаков, чтобы вести себя совершенно иначе. Они выкрикивали антиправительственные лозунги, и один из них: тот что звучал в прошлую революцию:

– Долой дурное правительство!

Впрочем этого уже князь де Карини допустить на долго не мог, не долго дав протестующим побесноваться перед самыми окнами, приказал многочисленной страже Орлеанского дворца отогнать толпу с поля, и по возможности подальше друг от друга, аж за самый Нормандский дворец, но при этом осторожней. Губернатор очень испугался возникших волнений в преддверии времени сбора налогов, и поэтому не отдавал приказ навести в городе порядок. Он знал из достоверных источников, чем собственно вызваны волнения: иначе говоря ничем, пустым звуком, и выжидал когда они улягутся сами собой, не решаясь задействовать для успокоения солдат, может быть его нарочно и побуждали к этому. Вид ненавистной желтизны испанских мундиров, особенно в такое время, особенно раздражал толпу.

Солдат пока вполне заменяли небольшие группки полицейских, благо хоть префект полиции оказался на их стороне. Через него князь де Карини слышал об управляющем финансами. Через него же он распорядился послать на розыски пленника и поимку преступников: группу тайных сыщиков, а так же распорядился закрыть казну.

Как уже говорилось, толпы редая, избавлялись от балласта сковывающего действия основной силы массы, становящейся с этим только грозней.

* * *

Почему «утренняя прогулка» в противоположность «Сицилийской вечерне» не превратилась в восстание?

Князя де Карини нельзя было назвать заурядной личностью, но внезапность с какой он был захвачен врасплох и посему поколеблен, любого могла обескуражить, не только человека никогда ни с чем подобным не сталкивавшегося, но имеющим в любое трудное время отличное качество или даже свойство – преданность короне.

Нужно отдать ему должное, проснувшийся поздно, разбуженный известиями чуть ли не сегодняшней смены власти – прогнал их как провокативные. Пассивность смешанная с испугом прошла в губернаторе весьма скоро, кроме того он не будучи вспыльчивым человеком, был соответственно осторожным и не наделал непоправимого.

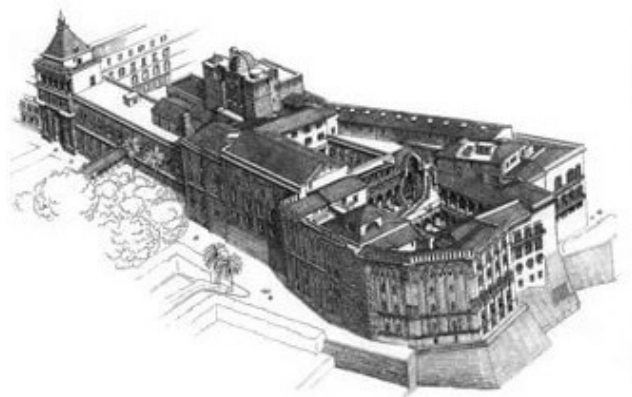
Городские ворота открылись в обычное время без задержек, что несколько разрядило накалившееся настроение. Въезжавшие с привезенным крестьяне побуждали отвлекаться на иные мысли: от политических обсуждений на торговые сделки.

Первым делом после позднего пробуждения ознакомившись со сложившейся в городе обстановкой, губернатор предпринял ряд мер, нисколько не могущих раздражать горожан. Затем собрал у себя небольшой совет, чтобы обсудить создавшееся положение и его возможные обороты.

Помимо раскрытия ворот, создавших внутри города с этим будничную обстановку хотя бы вокруг торговых площадей, был отдан приказ открываться различным службам. А для выяснения причин беспорядка имеемых ввиду подстрекателей был выпущен весь имеющийся штат сыщиков. Были отданы на первый взгляд ненужные приказы приведения в боевую готовность частей Палермского гарнизона. Ко всему готовые уже были как те части, что надежно стояли на стороне испанских властей, так и те что уже вызывали у нее большие подозрения во враждебности ввиду их местного сицилийского состава, и того что ими командовал полковник Турфаролла, назначенный на эту должность еще вице губернатором князем де Шакка, в свое время.

Одним разом через посыльных курьеров была налажена связь с кардиналом Родриго, архиепископом Палермо, первым президентом сената, префектом полиции, и с графом Инфантадо, командующим непосредственно Испанским корпусом, и многими другими должностными лицами. Надавав им необходимых предписаний. Получив более точные сведения и мнения от них, и довольствуясь пока этим, князь де Карини склонился к тревожной думе над рисованной картой города, которая как нельзя кстати оказалась под рукой и кто знает какую воздействующую роль на мысли и отдачу приказаний могла сыграть в последующем времени? Пока же принимая на себя отметки чернилами и внимательные изучающие взгляды, упорядочивала ход мыслей князя.

Прежде всего из всех имевшихся сведений, он без труда определил с каким врагом приходится иметь дело, а так как враг этот был всегда, то нынче приходилось иметь дело с народной стихией, распяляемой им. И становилась не так страшна сама стихия взбунтовавшегося народа, цепко удерживаемая ее спорадическими заводилами, сколько само это удержание с подталкиванием на нужное, чего именно и приходилось опасаться больше всего. Все нити управления народной силой тянулись несомненно от него, нужно было только умело их перервать, а то и перерубить сильным решительным ударом. Приходилось подумать над выбором.

Самим собою вытекало что не следовало злить глубинные страшные силы народа, иначе события сами оборвавшись от нитей, дергавших ими, не начнут развиваться с бешеной скоростью. Спорада, он же Монсеньор, маркиз-герцог, сюринтендант, король, не сказать даже что некоронованный, мог побудить народ на самую крайнюю меру ради него. Спорада мог лишь взбудоражить и самое большее что он мог, это по возможности поддерживать проявления недовольств.

Возмущение народа это огонь поддерживаемый видимыми для этого причинами, без которого он мало-помалу затихает. Можно было стараться не допустить таких видимых причин, чем умирить пламенные чувства голодом. Спорада зажег искусственно сложенную им самим кладку, губернатору предстояло ее раскидать. А вот насчет того как ее предстояло раскидывать, вконец перейдя на афоризмы можно сказать прямо возле стога сена, у князя де Карини было подготовлено и припасено много мер еще в прежние времена, например: большое количество своих ораторов. Правда обстоятельства оказались совершенно другими и им уже нужно было говорить на темы (их написал отдельно на листочке) о великом лжеце Спорада, о том что ничего подобного из того что говорилось о пришедшем ночью судне с тайными известиями, и ночью же ушедшем не было и в помине, ибо так говорить могут только сплетники, которые не знают мореходного дела, когда можно было только спустить лодку и затем еще более тайно отчалить обратно, уже без тайных вестей...

Ему понравился шуточный тон, которым он насмеялся над треволениями многих людей, выразившись таким образом на своем воззвании, которое еще дописал абзацем призыва попусту не волноваться, успокоиться, как Бог решит так и будет – заключил де Карини, и с тем отправил написанное в канцелярию дворца, для размножения ораторам.

Естественно де Карини не собирался отделяться одними устными мероприятиями, его злейший враг по-видимому готовил что-то появней, и не сумеет он в ответственный момент защититься, Спорада с ним без волнений или под их шумок разделается, ведь находился-то

Орлеанский дворец на самой окраине города и задний двор огораживала только на первый взгляд толстая внушительная каменная стена.

Помимо имевшихся защитников губернаторского дворца князь де Карини отдал приказ в спешном порядке ввести сюда еще один отряд испанцев, который подошел к дворцу в то время как толпа снова стала собираться перед его фасадом. Из окна де Карини с презрением заметил как испуганно заволновались и подались подальше от солдат кучи протестующих. Пятерки солдат хватило бы чтобы разогнать эту чушь, да так, чтобы весть об этом вмиг разбежалась до противоположных краев города и утихомирила желающих попротестовать и там. В принципах князя было: не можешь кидаться не гавкай.

Но творителю спокойствия приходилось служить ему до конца, он имел так же интерес понаблюдать какое возымеет действие написанное на множестве экземпляров воззвание с его словами, имея от этого чисто самолюбивый авторский интерес, ну и конечно с как можно более воздействующими на умы последствиями силы его слов, разнесенные желательно как следует.

Пока канцелярия писала приходилось выслушивать отдельные крики и небольшие хоры группок: Да здравствует Спорادا! Долой Карини! Долой налоги! Долой иго! Иго долой! – в общем все то, что кричалось на множестве улиц перекрестках и площадях, так часто, что даже пришедшими крикунами сюда здесь перед самим Карини кричать против него не казалось уже чем-то особенным.

Но все же было нечто такое, что самые отважные смельчаки из смельчаков, собравшиеся здесь, не осмелились кричать, ни сам князь не допустил бы этого оставленным безнаказанно, это крики раздавшиеся по-видимому только у здания сената: – Да здравствует Монти, да здравствует республика!

Услышь он это, его бы мысли прошли в направлении ясного понимания того, что замысел Спорادا не так прост, чтобы только акцентировать внимание на одних лишь волнениях с целью стихийного восстания с возможными прежде замыслами его вооружения, что было крайней мерой при нынешних-то республиканских настроениях, кои равноедино сильны как в народе, падкому к этому виду власти по чувству новизны, так и в так называемом с чьей-то легкой руки «сенате», в котором эта мысль благодаря Монти и некоторым склонным к нему так называемым «сенаторам», а иначе советникам, устоялась как жара в летний день, несмотря на то что и создавался тот совещательный сенат испанской администрацией как средство придать вольноопределяющейся буржуазии хоть толику видимости заучастованности, чтобы отпугнуть от острова алчущих лакомства и чтобы приткнуть к себе, оторвав от дурного влияния Монсеньора, и вот тебе еще одно: с которым бороться-то по идее не возможно – республиканское. Оно как дух, который может в самый последний и решительный момент склонить на свою сторону весь народ полностью. И что это будет за момент – раздача народу оружия? Не думавший до этого ни о чем республиканском де Карини подумал когда наткнулся на предположения об этом моменте. Сомнения затеребили его голову. Будь на его месте князь де Бутера, он бы не сомневался и давно бы постарался сделать так чтобы улицы живо опустели, и может ввиду своей строгости и железной хватке не попался или разрушил ту западню, коя могла быть сготовлена у начальников итальянских отрядов, что были себе на уме по отношению к губернатору, может испугались бы другого человека. Им отсюда не уходить. С ними губернатор всегда чувствовал себя неуверенно и раздражался от своего бессилия.

Грешным делом подумал вызвать де Бутера из Марсалы для разбора беспорядков. Мало ли что могло случиться с этими начальниками не дай Бог, вторая ставка будет на них. Тогда нужно заранее об них подумать и определить кто из них кто? А лучше было не гадать, да сразу заменить охрану арсенала другим отрядом, вернее даже просто добавить к нему испанцев, а начальника вызвать и оставить по неопределенным причинам, просто и обыкновенно оставить, так обезвредив хоть одну силу. Можно было даже поодиночке вызвать всех начальников отрядов, заставить все время находиться во дворце, а к оставшимся без них отрядам приставить по испанскому на смещение. Так обезвредится опасная в будущем сила. Может даже расформировать один из отрядов вообще, так чтобы быть полностью уверенным в перевесе и превосходстве надежных и верных ему сил.

Князя де Карини постоянно осведомляли о обстановке в том или ином месте города, улицы или двора, присылая маленькие репортажи, на основе которых у него сложилось примерно такое представление: улицы уже не полны как прежде, но по ним ходят толпами и вовсе подозрительными кучками, ходящими как по делу, горожане по-видимому вооружаются кто чем может, но предпочитают оставлять оружие дома или скрытно носить его при себе. Особенно представляют собой большую опасность переполненные питейные таверны. Совершаются многие акты беззакония, избивают полицейских по-прежнему, по-прежнему кричат что хотят. Налоги платить не хотят. Префект полиции большой молодчина был, крайне недоволен его мягкотелой политикой и прямо на это указывал. Он так же требовал чтобы ему в поддержку дали хоть немного солдат.

Смутянов было разогнать весьма легко, тем более в обеденное время, когда количество людей на улицах заметно поубавилось. Сейчас в это разреженное время, когда помимо голода, по домам загоняла усталость, надобность сиесты, можно было предпринять несколько уведомительных рейдов одного единственно, но многочисленного отряда для окончательного успокоения.

Обстановка постепенно нормализовывалась, несмотря на отдельные вспышки бунта у домов влиятельных лиц, или в отношении к патрулям и полиции. Портовый замок надежно укрепленный как внутри, так представлял собой неприступную крепость снаружи по возможности держа под прицелом площадь Морского министерства, порт и прочие прилегающие к нему кварталы.

Проповеди архиепископа Палермского производили большое впечатление, к нему больше не возникало никаких претензий. В соборе на соборной площади от него звучали только проповеди к миру и ожиданию. Пусть хоть так.

И все-таки воцарившееся спокойствие было сомнительным. Ярые сторонники Спорада пытались провоцировать беспорядки. Многие свидетельствовало по тем неуловим интуитивным замечкам о чем-то готовящемся и нарастающем. Немногочисленные озабоченные кучи горожан по делу сновали по бедняцким кварталам.

Народ слишком недозволительно осмелел, но не видя то, на чем можно было бы выместить свою злобу, постепенно расслаблялся, расходуя ее на пересуды о том, о сем, и особенно о предстоящих событиях, которые несли с собой перемены.

В последнее время случилось то, чего меньше всего хотел и боялся потерявший время на разное по пустякам, но не на дела, намеченные де Карини прежде. И глазом моргнуть

не успел как настало то время, на которое он надеялся, что оно самой по себе послеобеденной размеренностью уймет горлопанов. Но видно не обилён был обед у простого люда. Огонь народного недовольства не затухал, и не получая дров, не слыша выстрелов и пальбы пушек, не видя солдат люди снова хлынули на неопасные улицы. Теперь давали воззвание князя де Карини и чуть погода Спорада, которое распалило прежде горевшие уголья в настоящий пожар. Факт предстал на лицо, но город был взбудоражен, Монсеньор рассудил о налогах так: глупо пытаться собирать большую часть налога от маленького урожая или денежной прибыли, если бы он был властью, он бы сделал так: собрать маленькую часть налога, а когда урожай готового вина и прибыли станут больше и остальная часть будет давать больше доходов в казну, чем прежде.

После этого возвания, всплеснувшего всеобщий восторг, конкретным проявлением его оказались предпринятые попытки строительства баррикад, но все они были успешно развеяны силами полиции вместе с солдатами. И только в районе Сената и переименованной сенатской площади обнаруженные слишком поздно три небольшие баррикады перекрывающие те или иные подходы к нему. Баррикады защищались наскоро сложившие их люди, и чтобы убрать эти преграды для власти в своем еще городе требовалась уже большая военная акция, чтобы сместить явный очаг восстания.

Губернатор понял что сильно сплеховал прежним временем, оказавшимся не выжидательным, а вялым. Дав самому себе такую оценку, он ничего не мог с собой поделаться и продолжил прежнюю политику, пока только предупредив вставших в позу за кучей хлама, что если в самом скором времени они не прекратят своего, с ними жестоко обойдутся. Если они не прекратят своего де Карини возлагал все надежды на ночь, а пока допускал чтобы на баррикады стекались со всех сторон города вооруженные люди, одним ударом покончить с самыми боевитыми.

Люди и сходились на баррикады по тем не перекрытым лазейкам, которые всегда находятся. Ближайшее окрестное население делилось с ними своими съестными припасами, веря безрассудной наивной народной верой в то что они отстоят снижение налогов, о котором всюду говорят.

Так прошло все светлое время дня, надвигалась ночь не сулившая ничего доброго. Видно было что незримо присутствовавший во всем Спорада довольствовался пока тем что есть. Ближе к ночи, как и следовало ожидать, люд уставший от событий прошедшего дня стал расходиться по зову ночи по домам.

Не время было еще ложиться спать губернатору, под покровом ночи один на один с явным врагом он решил брать у него инициативу в свои руки. Просеивать городские кварталы устремились колонны солдат дополняемые уже находившимися там служащими правопорядка. Тихо и без особых сложностей хватались все попавшиеся подряд, и почти все вооруженные. Без трудностей брались баррикады и разгонялись защитники, не сумевшие оказать никакого сопротивления. Опять же вылавливались заходящими с тыла отрядом правительственных солдат, который обезоруживал и отбирал некоторую часть людей по виду, в которой могли находиться зачинщики и главари. Их, а так же отловленных по одиночке уводили в Портовый замок, а тех что были согнаны с баррикад заставляли своими же руками их разбирать.

Последнее что сделали князь де Карини перед тем как улечься на покой и после того как узнал о быстром завершении необходимых акций и возвращающихся с успехом войск гарни-

зона, это назавтра рассчитывая проснуться поздно, отдал заранее приказ вызвать к нему президента сената.

* * *

Получив приказ и откланявшись у губернатора, президент сената первый из сенаторов Камоно-Локано пошел в сопровождении слуги, дождавшегося за дверью по длинному коридору пока не достиг площадку лестницы уступами уходящую извне дворца.

На лестнице было безлюдно и тихо. Шедший позади закутанный в плащ зябко поежившись от утреннего холода с зевом, вдруг как-то непочтительно дернул сенатора за рукав, и тем привлек к себе внимание:

– А его запросто можно было порешить, – сказал он о губернаторе и раздвигая полы плаща показал свой арсенал на поясе.

Камоно-Локано с меланхолической задумчивостью посмотрел и очевидно хорошо обдумав ответ, затем только произнес.

– Зачем? Свои же люди. Карини просто золото, весьма высокопробное, которое в надежных руках... вернее сильных руках будет прекрасной глиной. Вы разве не видите как он напугался обыкновенных уличных толп. Как его весь день вчера обсырала всякая чернь, это же только вспомнить.

Они оба засмеялись

– Но я полагаю если бы его убрать, было бы еще лучше?

– Ах, граф, граф. Нам ли лезть в большую политику. Как мне вам отвечать когда я не знаю что будет даже через час. Поставят префекта это стальной орешек, лояльничать с Цизой не станет, по камешку разнесет.

– Мне кажется что вы сейчас думаете совсем о другом? – строго сказал тот кого назвали графом. – Не считаете ли вы что я не справился бы с его охраной?

– Судя по вашему снаряжению нечего бы было делать.

Граф с ярости закусил губу, со злости на себя за то что как-то вдруг некстати развел похвальбу перед этим буржуа, показавшимся насмешливо успокаивающим его от сих намерений.

Во дворе их ожидал экипаж, на котором они укатили в центр города до фонда Мармино – казначейства всей островной провинции. Остановившись у него со стороны улицы Рима экипаж выпустил сенатора, имевшего не только право входа в любое правительственное учреждение в допустимое время, но и вмешательство в его дела.

Через четверть часа вошедший в фонд, оттуда вернулся и экипаж продолжил свой путь на Мединскую улицу, там ссадив Камоно-Локано.

– Я же говорил, что все пойдет благополучно, – сказал граф перед тем как закрыть за ним дверь, и без него тронулся далее.

Сенатская площадь, взявшая негласное название от здания Сената, выходящего на нее фасадом, была небольшой, как будто в соответствии с убогим тем значением какое имел сам сенат, как учреждение в структуре администрации, самой мало что значившей зависимой от Неаполитанского вице-короля и через него непосредственно от далекого испанского же короля.

Давно прошло то время, когда сенат был главным органом Рима, теперь же убого как в насмешку возрожденный после прошлой республиканской революции для торговых противодействий сюринтенданту буржуа-торговцами ради своих интересов, сбитых тем самым в корпорацию; значение его было ниже всякого здравого смысла, и нужен то он был как фетиш. Но фетиш на полную традицию и представленные в нем высшие и низшие чувствовали себя деятельными. Кто не ленился ходить на каждое заседание мог считать себя в курсе всех событий третьего сословия, а так же имел сенаторское достоинство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.